

НАРРАТИВИЗАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ФОТОКОЛЛЕКЦИЙ: В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ РУССКИХ ТРЁХРЕЧЬЯ

ЧЖАН ЖУЯН

АННА АНАТОЛЬЕВНА ЗАБИЯКО

(Амурский государственный университет:

Российская Федерация, 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское ш., д. 21)

***Аннотация.** Семейные фотоколлекции нескольких поколений русских Трёхречья представляют самоценный интерес с точки зрения запечатленного в них исторического опыта, традиций и обычаев рода. Отдельного внимания с точки зрения фольклористики заслуживают рассказы-воспоминания, сопровождающие рассматривание фотографий семейного альбома. В статье зафиксированы данные о том, какие сюжеты из жизни русско-китайских семей сопровождают рассмотрение фотографических коллекций как текста «семейной хроники», какие нарративы возникают ситуативно, как различаются рассказы по одним и тем же фотографиям разных информантов. Запечатленные на фотографиях образы и нарративы к ним помогают уточнить некоторые признаки этнокультурной идентичности трёхреченцев, не актуализированные в собранных ранее меморатах. Процесс рассматривания семейного фотоальбома семьи Ивана Дементьева и Анны Первоухиной, его нарративизации позволил зафиксировать рассказы о возникновении русско-китайской семьи, о межпоколенных отношениях внутри «большой семьи» (рода), об этнокультурных и этнорелигиозных предпочтениях в данной русско-китайской семье, об отношении к родственникам, уехавшим в СССР, в целом к русским и советским людям. При изучении снимков использовались биографический и интерпретативный подход, методы включенного наблюдения, живой беседы, описания, нарративного анализа.*

***Ключевые слова:** русское население Трёхречья, мемораты, визуальный образ, нарративизация, вербально-визуальный дискурс, этническая идентичность.*

***Дата поступления статьи:** 6 мая 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 декабря 2019 г.*

***Для цитирования:** Чжан Жуян, Забияко А. А. Нарративизация семейных фотоколлекций: в поисках исторической памяти и этнической самобытности русских Трёхречья // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 74–87.*

***DOI:** 10.26158/ТК.2019.20.4.006*

Семейные фотоколлекции в антропологии рассматриваются как «визуальное измерение общего исторического знания, семейного, родового, локального» [Лурье

2011, 71]. В процессе сбора полевого материала фотография зачастую становится лишь поводом для возникновения устной истории, рассуждения на тему и т.д.

[Разумова 2001, 175; Круткин 2009, 122]. Комментарии, нарративы к фотографиям превращающиеся в мемораты, представляют своеобразные «тексты о тексте». В результате взаимодействия фотографического и словесного текста возникает вербально-визуальный дискурс.

В нашем случае речь идет о русском анклаве Трёхречья — этнолокальной группе, существующей в устной культурной традиции, не знающей письменности [Кляус 2015; Забияко 2017]. Наряду с фольклорными жанрами и меморатами, фотоколлекции являются хранилищем исторического и культурного опыта, исторической памяти нескольких поколений русских Трёхречья и их метисированных потомков.

Наши информанты не пишут и не читают по-русски, их дети с трудом понимают русский язык, внуки не говорят по-русски вообще. При этом они осознают важность истории, ими излагаемой, не просто для личной истории и истории семьи — для истории русской народности в Китае. Значение композиций фотографий в альбомах трёхреченцев (неграмотных либо окончивших 2–4 класса китайской школы) можно уподобить значению линейной письменности. В фотографических нарративах отражается возрастной опыт наших более чем 70-летних информантов, их историческая и родовая память [Забияко 2017, 182–210].

Запечатленные в фотографиях образы помогают уточнить некоторые неясные аспекты этнокультурной идентичности трёхреченцев — культурных билингвов, не актуализированные в меморатах. Важно понять, что думают сами трёхреченцы второго и третьего поколений об этих снимках, какие сюжеты из жизни русско-китайских семей всплывают при рассмотрении данных коллекций как текста «семейной хроники», какие нарративы их сопровождают, определить, какую долю в рассказах по фотографиям занимает китайский и какую — русский компонент идентичности метисированного анклава русской народности. Этими обстоятельствами определена актуальность и продуктивность использования приемов визуальной антропологии при изучении фольклорного наследия русских Трёхречья.

Традиция фотографирования семей, судя по истории фотографии в Китае,

стала распространяться в уездах только с 1921 г. (речь идет о Центральном Китае) [Фэн Хуан 1982; Линь Цзин 2015]. Опрос китайцев (ханьцев), ровесников наших респондентов из разных провинций, показывает, что в ханьских семьях конца XIX — начала XX в. не было обычая вешивать фотографии в раме на стену: во-первых, из-за дороговизны фото, отсутствия фотоаппаратов; во-вторых, потому, что родовая память исторически сохранялась в фамильных табличках. Мода вешать фотографии на стене в китайских семьях появилась только с середины 1960-х гг., была навеяна советской традицией и потому кратковременна (интервью с семьей Чжан, пров. Хэнань, декабрь 2018 г.; семьей Цзюй, пров. Хэйлунцзян, ноябрь 2019 г., семьей Чжао, пров. Хэйлунцзян, февраль 2019 г.; семьей Чжоу, пр. Цзилинь, январь 2019 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. Традиция фотографических коллекций, сложившаяся у ханьского населения, предполагала обязательное наличие в композиции «парадных коллективных снимков» (отражающих участие членов семьи в съездах разного уровня, поездок в столицы или «на юг», свадебные постановочные фото, при этом не было традиции выставлять напоказ фото похорон). Позднее, в начале 2000-х гг., мода на семейные фотогалереи прошла, снимки были сняты со стен и заняли место в альбомах.

Русское Трёхречье представляет собой наследие крестьянской культуры русских переселенцев конца XIX — начала XX в. и их потомков-полукровцев. Это объясняет отличное от ханьского отношение к фотоколлекциям, сложившееся у населения русского Трёхречья. В русских семьях и затем в русско-китайских семьях фотографии, выполненные весьма качественно, выставлялись поначалу в единичных экземплярах как украшение скромного интерьера крестьянской избы [Чистякова 2012]. С развитием индустрии фотографии в 1930–1950-е гг. снимков в трёхреченских домах стало больше, их стали размещать в виде коллажей на стене в большой раме.

Композиция домашней фотогалереи в Трёхречье обычно состояла и состоит из снимков родителей (вначале молодых, по отдельности, затем вдвоем), группового семейного фото с маленькими детьми, фотографий информанта (потомка русско-китайского брака) юных лет, затем его

спутника или спутницы тех же лет, свадебного фото, фотографий детей, группового семейного фото уже трех поколений, фото внуков и т.д. Данные коллажи

и композиции, как правило, располагаются с правой стороны центральной стены ближе к красному углу, где помещаются иконы.

<p>长辈儿有的是放在正中间，或者是最上边。下边就是逐渐按照辈分往下排。</p> <p>Zhangbeier youde fangzai zhengzhongjian, huozheshi zuishangbian. Xiabian jiushi zhujian anzhaobeifen wangxiapai.</p>	<p><i>«Фотографии старших поколений либо в центре рамки размещали, либо в самом верху рамки. Потом по очереди, по различию поколений»</i> (Зап. от Володи Башурова, 1947 г.р., г. Лабдарин, КНР. Соб. Чжан Жуян. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].</p>
--	---

Эти фотогалереи отражают родовое чувство причастности к русскому этносу, неотделимое от эстетического.

<p>哎呀，老一辈儿的人都挂，像我妈妈似的都挂，姥姥他们都挂，有的开始摘，我也没摘，我就觉得好看。他们说好像不时兴了，有那个影集，都搁到那个影集里。我说谁都看着，往影集里搁啥啊？</p> <p>Aiya, lao yibeier de ren dou gua, xiang wo mama side dou gua, laolao tamen dou gua, youde kaishi zhai, woye meizhai, wo jiu jue de haokan. Tamen shuo haoxiang bu shixingle, you nage yingji, dou gedao nage yingjili. Woshuo shuidou kanbuzhao, wang yingjili geshaa?</p>	<p><i>«Ай, старшие поколения все так делали. Как моя мама — так вешала, мама мамы тоже вешала фотографии на стене. Кто-то потом (из трёхреченцев у себя дома. — Авт.) снимал фотографии... А я — нет, считаю, что так красиво. Они говорят, что уже не модно. Потому что появились альбомы, в которых все сохраняют. Но я говорю, что в альбомах никому не видно. Зачем в альбом класть?»</i> (Зап. от Анны Первоухиной, 1953 г.р., с. Караванная, КНР. Соб. Чжан Жуян. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].</p>
<p>我妈在世的时候，他们都往墙上挂，挂画，挂照片，那是俄罗斯人的习惯啊！</p> <p>Wo mama zaishi de shihou, tamen douwang qiangshang gua, gua hua, gua zhaopian, nashi eluosiren de xiguan a!</p>	<p><i>«Раньше все вешали на стену. Когда мама была, она на стену повесила картины, повесила фотографии, это привычка русских»</i> (Зап. от Варвары Ушаковой, 1945 г.р., г. Лабдарин, Китай. Соб. Чжан Жуян. 2019 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].</p>
<p>挂墙上的，以前祖传的都是那样，每个家庭都有相片挂在墙上，是长辈儿的，祖辈儿的，新照的。</p> <p>Gua qiangshang de, yiqian zuchuande doushi nayang, meige jiating douyou xiangpian guazai qiangshang, shi zhangbeierde, zubeierde, xinzhaode.</p>	<p><i>«Это раньше так было, от предков. У каждого в нашей семье, все вешали фотографии на стене, есть праотцовские, есть старые и новые»</i> (Зап. от Володи Башурова, 1947 г.р., г. Лабдарин, Китай. Соб. Чжан Жуян. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].</p>

В 1960-е гг., во время «культурной революции», трёхреченцам пришлось убрать со стены не только иконы (в лучшем случае, а в худшем — уничтожить) [Забяко 2017, 8–120], о чем они поведали нам в меморатах, но и фотографии членов

русско-китайской семьи и их родственников — снимки могли стать косвенным и прямым «доказательством» «шпионской деятельности в пользу СССР», «ревизионизма».

<p>现在不便于在国外宣传这个，因为文革期间，长辈的老照片，按照四旧就烧掉了，或者毁掉了，这种相片都损失不少，现在留下来的属于极少的了。特别是当时我们长辈人从国外过来的时候，带回来了他们家长的相片，或者是亲属的相片，在文革时期那就属于有国外关系啊，所以说不敢保存就毁掉了，太可惜了。</p> <p>Xianzai bu bianyu zai guowai xuanchuan zhege, yinwei wengeqijian, zhangbeide lao zhao-pian, anzhaosijiu jiu zhaodianle, huozhe huida-ao, zhezong xiangpian dou sunshi bushao, xianzai liuxialaide shuyu jishao dele. Tebie shi dangshi women zhangbeiren cong guowai guolai de shihou, daihuilaile tamen jiazhangde zhao-pian, huozheshi qinshude zhaopian, zai wenge shiqi najiu shuyu you guowai guanxi a, suoyi-shuo bugan baocun jiu huidaole, tai keqile.</p>	<p><i>«Сейчас нельзя за границей рассказывать про это: в “культурную” революцию все пожгли эти старые фотографии. Поэтому мало осталось. Особенно наше старшее поколение, которое из России приехало и привезло много фотографий своих старших поколений или фотографии родственников. Это был символ их “связи с иностранцами” в “культурную революцию”. Поэтому мало сохранили, все пожгли. Очень жаль. В то время много старых памятников тоже сломали»</i> (Зап. от Володи Башурова, 1947 г.р., г. Лабдарин, Китай. Соб. Чжан Жуян. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].</p>
<p>后来条件允许了开始到三河照相，有的时候有底板2寸的，上北京去洗去，很多照片都是在北京洗的。这是文化大革命过后了。七几年。73年吧，我们都到这儿了。开始洗照片。</p> <p>Holai tiaojian yunxule kaishi dao sanhe zhaoxiang, youde shihou you diban 2 cunde, shang beijingqu xiqu, henduo zhaopian doushi zai beijin xide. <...> Zheshi wenhuadageming guohoule. Qijinian... 73 nianba, women dou dao zheerle. Kaishi xi zhaopian.</p>	<p><i>«Потом стало лучше, и начали в Трёхречье фотографироваться. Иногда у нас негатив в два дюйма, мы отправляли в Пекин напечатать. Много фотографий в Пекине напечатали. <...> Это после культурной революции. По-моему, в 73-м году. Мы все тогда стали печатать фотографии»</i> (Зап. от Анны Первоухиной, 1953 г.р., с. Караванная, Китай. Соб. Чжан Жуян. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].</p>

В годы реформ (1979–1992) фотографии постепенно стали возвращаться на стены деревенских домов русских потомков Трёхречья, а позднее превратились в настоящий «бренд» русской избы Трёхречья. В основном же «семейные хроники» трёхреченских русских в многообразии потенциальных сюжетов сохраняются в семейных альбомах либо коробках с фотографиями.

В отличие от русских бывшего Советского Союза, семейные фотоальбомы не были столь популярны в Трёхречье в первой половине XX в. Тому есть причины: во-первых, семейные альбомы — это часть городской традиции СССР 1920–1990-х гг. [Бойцова 2010], заимствованной из дореволюционных времен бывшей Российской империи. Альбомы в Китае были дороги, да и негде их было взять деревенским жителям.

Семьи сегодняшних трёхреченцев, потомков русско-китайских браков, живут достаточно обособленной жизнью от

других таких же полукровцев. Крестьянская община как таковая исчезла, «совхозы» ушли в далекое прошлое, большие семьи распались. Каждая малая семья работает на себя и будущее своих детей и внуков. Рассматривание фотографий вместе с собирателями и их нарративизация позволяют трёхреченцам вновь пережить забытый в последние годы эффект общности и единства с членами большой семьи. В отличие от «просто» семейного мемуарата как устойчивого в своих мотивах рассказа о происхождении семьи, рассказы по фотографиям в альбоме обладают большей эмоциональностью, информативностью, ассоциативным тематическим ареалом: когда наш собеседник начинает вместе с собирателем рассматривать старые снимки, он окунается в годы молодости, событий тех лет, по-иному оценивая свое прошлое.

В данной статье мы остановимся на нарративах по фотографиям из семейного альбома Первоухиных — Дементьевых

(кит.朱玉花 (Чжу Юйхуа), 果富贵 (Го Фугуй)). Хронология этих снимков фиксирует время с начала XX в. до настоящего времени. Нами использовались методы включенного наблюдения, интервью, беседы, камеральной обработки полученных аудио- и видеозаписей, текстологического и источниковедческого анализа данных; отдавалось предпочтение последовательности расположения фотографий и логике воспоминания. Беседы проходили на китайском языке. Так как это был живой разговор расположенных друг к другу собеседников, он спонтанно выстраивался следующим образом: вначале

просматривался альбом, наши собеседники называли, кто изображен на снимках; затем начиналась беседа, собиратель задавал вопросы либо информант сам вспоминал что-то. В подобном выстраивании нарратива текст мемората уточнялся, детализировался, корректировался.

Первым в альбоме расположено фото семьи Ивана Дементьева (фото 1). В центре во втором ряду сидят русская мать Ивана и отец, рядом с отцом — его мама, бабушка Ивана по отцовской линии. Они сидят в окружении 7 детей. Сам Иван (старший сын) стоит первым в верхнем ряду слева.

<p>来个照相的，也不知道从哪来的这个人，不知道从哪磨的钱给我们全家照的。过后开始照相了。以前哪有钱啊？一个人上班7个小孩儿还。没钱，真是没有，反正是照第一张还挺好看的呢。</p> <p>Laige zhaoxiangde, ye buzhidao congna laide zhegeren, bu zhidao congna mode qian geiwomen quanjia zhaode. Guohou kaishi zhaoxiangle. Yiqian nayouqian a? yigeren shangban 7 gehaizi hai. Meiqian, fanzhengshi zhaoyizhang hai tinghaokan de ne.</p>	<p>«Один фотограф приехал, не знаем, кто он, откуда? Не знаю, откуда они (родители Ивана. — Авт.) собирали деньги на фотографию. Не было денег на фотографию, откуда деньги на фотографию? Один человек работает, а 7 детей. Нет денег, точно нет, но первая фотография очень красивая!» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., с. Караванная, КНР. Соб. Чжан Жуян. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].</p>
<p>这是我俄罗斯妈妈，都管她叫塔基亚娜，塔基亚娜。这是我妈妈的妈妈。姥姥和姥爷都是从苏联过来的，还有俩舅舅。我爸以前当卡来着，然后就和他们认识了。后来那个日本人来了，他就变成老百姓了。</p> <p>Zheshi wo eluosi mama, dou guan ta jiao Tajiyana. Zheshi wo mama de mama. Laolao laoye doushi cong sulian guolaide, haiyou lia jiujiu. Woba yiqian dang kabing laizhe, ranhou jiu he tamen renshille. Houlai nage ribenren laile, ta jiu biancheng laobaixingle.</p>	<p>«Это моя мама русская, все звали ее Татьяна. Это мама мамы. Бабушка и бабушка (папа мамы) из Советского Союза (так называет Россию. — Авт.) приехали, еще 2 дяди (братья мамы). Отец был пограничником, и они с ним познакомились. Потом японцы пришли, застав не стало. Он стал простым человеком» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., см. выше).</p>
<p>张作霖和吴大舌头 (吴俊升)，到河北招兵，一家必须出一个人，因为我父亲单身，他的堂哥结婚了，只能他出啦了，当时军阀混战，他就是在纠察队在火车上抓逃兵，当时抓到逃兵就往死里打，我父亲老实，他就看不惯，他就偷着跑了，坐火车跑到海拉尔了。</p> <p>Zhangzuolin he wudashetou (wujunsheng), dao hebei zhaobing, yijia bixu chu yigeren, yinwei wofuqin danshen, tade tangge jiehunle, zhineng ta chulaile, dangshi junfa hunzhan, tajiushi zai jiuchadui zai huocheshang zhua taobing, dangshi zhuadao taobing jiu wang silida, wofuqin laoshi, tajiuk an buguan, tajiuk toutzhe paole, zhuo huochepaodao hailaerle.</p>	<p>«Чжан Цзолин и У Даишоэтоу (У Цзюньшиэн), они в Хэбэй вербовали солдат, из каждой семьи обязательно уходил один в солдаты. У меня отец холостой, а его старший брат (сын дяди) женился, потому только мой пошел. В то время была война милитаристов, если нашли дезертиров, сразу убивают, у меня отец — он был патрульный в поезде, ловил дезертиров. И в то время часто убивали дезертиров, а отец — простой, он никак не мог привыкнуть к этому, он тихо убежал, на поезде убежал в Хайлар» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., см. выше).</p>

<p>当时从哈尔滨，沈阳还是什么地方来的，当时军阀混战吗，到海拉尔之后呢，他们不是有那个“店房”吗，他上那儿去了，那有河北人，山西的，我父亲他们不是靠着山西交界吗，山西的他们也叫他老乡，河北的也叫他老乡。就住在店房给人家干点活儿，后来给他找了个活儿在“蒙古地”还是哪块儿？那时候叫我写，往上报我都忘了。到蒙古地去了，后来来了个飞机，他妈的扔起炸弹来了，完了把那个小孩儿炸死了，我父亲一看这也不把握，后来又不干了，又回到海拉尔，这个边防呢就招卡兵，河北那些人又介绍他来当卡兵来了。第二次入伍到这儿了。</p> <p>Dangshi cong haerbin, shenyang haishi shenme difang laide, dangshi junfa bushi hunzhanma? Dao hailaer zhihou ne, tamen bushi you nage “dianfang” ma, ta shang naer qule, nayou hebeiren, shanxide, wo fuqin tamen bushi kaozhe shanxi jiaojie ma, shanxide tamen ye jiao ta laoxiang, hebeide ye jiao ta laoxiang. Jiu zhuzai difang gei renjia gandianhuo, houlai geita zhaole gehuoer “menggudi” haishi nakuaier? Nashihou jiao wo xie, wangshangbao wo dou wangle. Dao “menggudi” qule, houlai laile ge feiji, tamade rengqi zhaodan laile, wanle ba nage xiaohaier zhasile, wofuqin yikan zhe ye bu bawu, houlai you buganle, you huidao hailaer, zhege bianfangne jiu zhao kabing, bhebei naxieren you jieshao ta lai dang kabing laile. Dierci ruwu daozheerle.</p>	<p>«Это из Харбина или Ляонина, старые милитаристы трех северо-восточных провинций (воевали. — Авт.). Когда приехал в Хайлар, он жил на постоялом дворе, а там еще жили люди из Шанси, из Хэбэй. Он там увидел много земляков, все зовут его “земляк”, потому что все рядом. Сначала он работал на постоялом дворе, потом ему нашли работу в монгольской земле (на территории современной Внутренней Монголии — Авт.). Раньше (в “культурную революцию”. — Авт.) меня попросил написать, все надо было по начальству посылать, много уже забыл. Он работал на монгольской земле, и прилетел самолет, и начал сбрасывать бомбы, много взорвали молодых людей. Мой отец решил, что здесь тоже опасно. Потому он ушел из монгольской земли, приехал в Хайлар. А Хайларе вербовали пограничников, хэбэйские земляки с ним познакомились на заставе, он во второй раз поступил солдатом» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., см. выше).</p>
<p>文化大革命，不是让写那个啥，写简历来着吗，让我母亲写，我父亲他们都不会写，就我这么写了一点儿，她们那面咋来的，我是闹不清，他们都说是打仗打的。</p> <p>Wenhudageming, bushi rang xie nage sha, xie jianli laizhe ma. Rang wo muqin xie, wo fuqin tamen dou buhuixie, jiu wo xiele yidianer, tamen namian zalaide, woshi naobuqingchu, tamen doushuo shi dazhang dade.</p>	<p>«В “культурную революцию” надо было написать биографию, хотел, чтобы мама написала, но она не умеет, тогда я написал и начальству посылал, так, написал немного — зачем мама приехала, я не знаю, только знаю, что это бабушка и дедушка ее сюда привезли. Из-за войны они приехали» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., см. выше).</p>
<p>大部分都是寡妇，他们在那挖金子不是吗，家里没有人，女的不得干活儿吗，在金矿又做饭又洗衣服干啥的，这样就互相就认识了吧。后来我母亲结婚了，就到了九卡那里去了，后期结婚了又到了节烈穆去了，在九卡去室韦走的那个道儿上。</p> <p>Dabufen doushi guafu, tamen zaina wa jinzi bushima, jiali meiyou ren, nvde bude ganhuoer ma. Zai jinkuang youzuofan youxiyifu shade, zheyang jiu xianghu jiu renshi leba. Houlai wo muqin jiehunle, jiudaole jiuka nali qule, houqi jiehunle youdaole Jieliemu qule, zai jiuka qu shiwei de nage daoershang.</p>	<p>«В то время большинство вдов (русских. — Авт.) с детьми приехали, а они (китайцы. — Авт.) приехали за золотом, а женщины шили одежду на золотом руднике. И потом так друг с другом познакомились. Раньше она была в Диларин, ушла замуж к папе на девятую заставу, после замужества с папой уехали в Делем. Он находится между девятой заставой и Шивзэй» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., см. выше).</p>

На втором снимке мы видим уже два поколения семьи: родителей Ивана, младшую сестру Ивана с мужем, Ивана с Анной. В нижнем ряду 5 маленьких детей, одного ребенка мать Ивана держит на руках.

<p>那時候姑娘少，這是誰家的姑娘，這是誰家的官兒。</p> <p>Nashihou guniang shao, zheshi shuijiade guniang, zheshi shuijiade guaner.</p>	<p>«В то время девушек было мало, как они познакомились друг с другом: “Это чья девушка?” — “Это какой капитан?” (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., см. выше, Анны Первоухиной, 1953 г.р., с. Караванная, КНР. Соб. Чжан Жуня. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].</p>
<p>她最大，說老太太16，有的時候還不满意呢我看：“她最大我不要她要誰啊”？那些都是13-14的可能是，她16達尼亞。就是在那介紹的時候所有姑娘里就她大的了，就得介紹她了唄。</p> <p>Ta zuida, shuo laotaitai 16, youde shihou hai-bu manyi ne wokan: “ta zuida wo bu qu ta yao shui a?” Naxie doushi 13-14 de kenengshi, ta 16 danina. Jiushi zaina jieshao de shihou guniang li jiu ta zuidadele, jiude jieshao ta le bei.</p>	<p>«Она (мама Ивана. — Авт.) была самая взрослая, в то время “старухе” 16 лет только. Он еще (был. — Авт.) не доволен: “Она самая взрослая — не выбираю, а кого выберу? Кого еще?” А другим только 13 лет, 14 лет. Ей 16 лет, Тане. В группе она самая взрослая, ее не выбираю, а кого тогда?» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., Анны Первоухиной, 1953 г.р., см. выше).</p>
<p>別的都小，十二三歲兒，十三四歲兒，當時就數她大唄。老头兒比她大九歲呢。當時還有的話再選一選。</p> <p>Biede dou xiao, shiersan suier, shisansu suier, dangshi jiushu ta dabe. Laotouer bi ta da jiusui ne. Dangshi haiyou de hua zai xuanyixuan.</p>	<p>«Другие все маленькие, 12-13 лет, 13-14 лет. В то время он старше ее, “старухи”, на 9 лет. Тогда, если больше, он хотел еще посмотреть (в других районах. — Авт.)» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., Анны Первоухиной, 1953 г.р., см. выше).</p>
<p>就這當時還比老太太大9歲呢，當時要是多了話還可以選一選，那些姑娘都回不去，在這裡能吃饱，她們都不願意回去。</p> <p>Jiuzhedangshihaibilaotaitaida 9 suine, dangshiyaoshiduolehuaahaikeyixuanyixuan, naxiegunianguohuibuqu, zaizhelinengchibao, tamen-doubuyuanyhuiqu.</p>	<p>«Да, отец старше мамы на 9 лет, маме 16 лет, а другим (девушкам) 12-13 лет. А ты (про отца — квазикосвенная речь. — Авт.) не сможешь ехать в Гуанли (на территорию внутри Великой Китайской стены — Авт.), и у тебя (про отца. — Авт.) нет денег за проезд, как вернуться домой (в Хэбэй. — Авт.)? Там трудно, здесь можно прокормиться, он (отец) не хотел возвращаться домой» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., Анны Первоухиной, 1953 г.р., см. выше).</p>
<p>我母亲后期还学一些汉话，父亲没有。比如说Здравствуйте这个他能听懂，但是别的都不会，不像其他以前在金矿上干活的老头儿们都会苏联话，我母亲刚开始只会吃饭，喝水这几句话，后来一点一点自己学的。</p> <p>Tamuqin houqi hai xue yixie hanhua, fuqin meiyou.</p> <p>Birushuo “Здравствуйте” zhedge tamen neng tingdong, danshi biede doubuhui, buxiang qita yiqianzai jinkuangshang ganhuode laotouermen douhui sulianhua, wo muqing gangkaishi zhihui chifan, heshui zhe jijuhua, houlai yidian yidian ziji xuede.</p>	<p>«Моя мама училась немного ханьскому языку, а отец — нет (русскому языку. — Авт.): если кто говорит слово “здравствуйте”, он понимает, а другое не понимает. Он — не как другие старики, (которые) работали в руднике, все понимали советский язык, мой отец не умеет говорить, он там ни разу не работал. Вначале мама только умеет говорить слово “кушать”, “воду пить”, потом, потихоньку, сама начала учиться» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., см. выше).</p>

¹官兒:长官 (от англ. captain). Отец Ивана работал раньше на пограничной заставе. В XIX — начале XX в. человека называли «капитан», если он работал в правительственной организации либо был военным.

² Речь идет о группе русских невест, которую предложили отцу Ивана для сватовства.

<p>他父亲嘴可笨了，一句俄语说不了，他母亲后期还学一些汉语。不知道咋过的当时。反正他们有一个得会学另一个人的话，就像我爷爷说苏联话嘎嘎的了，留两个小胡子，可精神了，我奶奶有点什么都不会了。脑袋有点也不太好使。</p> <p>Tafuqin zui ke ben le, yiju eyu shuo buliao, tamuqin houqi xue yixie hanhua. Buzhidao za guo de dangshi. Fanzheng tamen you yige dehui xue lingyigeren de hua, jiuxiang wo yeye shuo sulianhua gaga dele, wo nainai youdian shenme doubuhuile, naodai youdian ye butai haoshi le.</p>	<p><i>«У его отца рот “тупой” был очень, вовсе не умел по-русски, его мама более-менее училась немного, не думает, что хорошо и плохо по-китайски, ничего не делает — а нужно общаться. <...> Что раньше случилось, мы же не знаем. Но у них (в русско-китайской семье. — Авт.) обязательно один человек учится языку от другого. Как у меня бабушка, он очень хорошо говорил по-русски, он носил усы, был очень красивый, а бабушка — вовсе не умела (по-китайски. — Авт.), у нее голова не работает» (Зап. от Анны Первоухиной, 1953 г.р., см. выше).</i></p>
<p>去金矿上干活的都会苏联话，我父亲没上那去过。所以不会苏联话。</p> <p>Qu jinkuangshang ganhuode douhui sulianhua, wo fuqin mei shang naqu guo. Suoyi buhui sulianhua.</p>	<p><i>«Кто работал на золотом руднике, тот умел (разговаривать. — Авт.), он (отец. — Авт.) там не работал, поэтому не умеет говорить на советском языке. А солдат, он тоже часто был на связи с русскими и часто ездил в советскую деревню» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., см. выше).</i></p>
<p>我从来没有听我老公说过苏联话，婆婆很厉害，她可是不管你苏联话，汉语，都能接上去。和谁都唠，没完没了。公公有名的老实人，个子不高。</p> <p>Wo conglai meiy tingwo laogonggong shuoguo sulianhua, popo henlihai, ta keshi buguan ni sulianhua, hanhua, douneng jie shangqu. He shui dou lao, meiwanmeiliao. Gonggong youmingde laoshiren, gezi bugao.</p>	<p><i>«Я никогда не слышала советский язык от его отца, а его мама молодец! Она не думает, что ты по-советски или по-ханьски, со всеми сможет разговаривать, конца и краю не видеть. Отец простодушный, маленького роста, простодушный» (Зап. от Анны Первоухиной, 1953 г.р., см. выше).</i></p>

На следующей фотографии (фото 2) — зрелые Иван и Анна стоят по бокам мамы Ивана, в доме Ивана и Анны, уже после смерти отца Ивана. На заднем плане хорошо просматривается композиция фотогалереи по бокам часов. В нижнем ряду отдельные фотопортреты молодой матери Ивана и отца, выше с правой стороны — фотографии отца и матери, уже расположенные рядом. С левой стороны — несколько фотографий в раме. Третий, верхний, ряд включает уже групповые фотографии: с правой стороны 2, с левой стороны 4. Очевидно, там расположены свадебные фото детей. Эта часть интерьера — целиком русская. Ниже фотогалереи расположен телевизор под салфеткой. На нем стоит глобус и статуэтка. Справа расположен шкаф,

который украшен по-китайски веером и двумя одинаковыми вазами с искусственными цветами (китайская традиция). Характерно, что за 30 последних лет интерьер практически не изменился, а фотогалерея дополнилась свадебными снимками и фотографиями внуков Ивана и Анны.

На фото (фото 2) Иван и Анна одеты нарядно, аккуратно причесаны. Мама Ивана также «принаряжена» в цветную русскую шаль. Эту фотографию сопровождает рассказ Анны и Ивана.

Фотография, сделанная после смерти отца, отправляет Ивана к теме взаимоотношений русских и китайцев в Трёхречье, к проблеме выбора китайцем русской жены, принятия отцом этнических традиций матери.

我父亲经常讲：我住这里比关里强多了，这个苏联人那比中国人好多了，当时驾着车去屯子里，当时没有店房什么的，你看谁家草垛多，你就把车赶到他家院子里去，掌柜的出来帮你卸车，把马给你喂上，给你安排个住屋，给你安排饭吃，如果她家没有男人，只有女人在家的话也是这样，给你做饭吃，睡觉没有地方，就在地板上睡觉，给你铺上毡子。在关里家，一进屋说：掌柜的在家没在家？女的喊没在家。那就不能进去了。所以说我父亲去世的时候要跟我母亲的那个方向相等。

Wo fuqin jingchang jiang: wo zhuzheli bi guanli qiang duole, zhege suliaren na bi zhongguoren haoduole, dangshi jiazhe che qu tunzili, dangshi meiyou dianfanger shenmede, ni kan shuijia caoduoduo, ni jiu bache gandao tajia yuanzi li qu, zhangguide chulai bangni xieche, ba ma gei ni weishang, geini anpaige ge wu, geini anpai fan chi. ruguo tajia meiy nanren, zhiyou nvren zaijia dehua yeshi zheyang, geini zuofanchi, shuijiao meiyou difang, jiuzai dibanshang shuijiao, geini pu shang zhanzi. Zai guanlijia, yijinwu shuo: zhangguid zaijia meizaijia? Nvdehan: meizaijia. najiu buneng jinqu le. Suoyishuo wo fuqin qushide shihou yao gen wo muqinde nage fangxiang xiangdeng.

«Отец часто мне говорил: “Я живу здесь лучше, чем в Гуанли (внутри Великой стены. — Авт.), это советские люди лучше китайцев. Почему? Когда ты въезжаешь в повозке в (русскую. — Авт.) деревню (в то время не было постоянных дворов. — Авт.), тымотришь все дома: в котором стожок высокий и большой (примета русского дома. — Авт.), ты едешь на тот двор, хозяин выходит, тебе поможет разгрузить вещи, накормит лошадей, тебе даст комнату для отдыха, тебе даст поесть. Если мужчин дома нет, только женщина дома, она тоже так тебе сделает. Тебе приготовит, если нет свободной комнаты, постелет тебе в сарае, там постелет войлок и ватник. А в доме Гуанли (внутри Великой стены, в китайском доме. — Авт.) заходишь во двор, кричишь: «Хозяин дома?» Женщина отвечает: «Никого нет». Тогда нельзя заходить. Если в Советском Союзе, хозяин разгрузит вещи, тебе поможет разложить вещи, приглашает в дом, тебе приготовит еду, хлеба нарежет”. Поэтому он (отец) всю жизнь жил здесь. Потому, когда отец умирал, он хотел, чтобы с мамой в одном направлении» (лежать в могиле по русской традиции. — Авт.) (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., см. выше).

Семейные снимки являются во многом ритуалом домашнего культа, в котором семья — и субъект, и объект. В альбоме расположены фото 1970-х гг., запечатлевающие

семейный праздник в кругу полукровцев второго поколения. На фотографии Анна (спиной) танцует с кавалером (запечатлен момент, когда они хлопают в ладоши).

这是在我大伯哥他们家，一拉手风琴我们就唱上了。我们当时都喝了，喝了点儿。我就带上帽子，背上纸壳箱子，说：我是搞计划生育的，有没有要药的？给他们都逗乐了。当时也不唱啥歌儿，手风琴一拉我们就跳起来了，我三婶儿拿个笛子在那弹，就在那玩儿。现在也没有了，这种场合也不邀请我们去了，现在不让这么的公吃公喝了。

Zheshizai wo dabaige jia, yila shoufengqin women jiu changshangle. Women dangshi dou hele, hele dianer. Wo jiu daishang maozi, beishang zhikexiangzi, shuo: wo shi gao jihua shengyude, youmeiyou maiyao de? Gei tamen dou doulele. Dangshi yebu chang sha geer, shoufengqian yila women jiu tiaqilailt, wo sanshener nage saozhu zaina tan, jiu zaina waner. Xianzai ye meiyoule, zhezhong changhe yebu yaoqing women qule. Xianzai burang zhemede gongchi gonghele.

«Это в доме старшего брата мужа, начали жарить на гармони, я сразу вышла, немного выпила, все немного выпили, я надела шапку, на спине держу бумажную коробку, говорю: “Я занимаюсь плановым деторождением, вам надо лекарство?” Так смешила их! Играть начали. Было много радости им! (Смеется.) В то время не было песен, только под музыку гармони танцуем. Третья тетья на метле играет (как на балалайке. — Авт.). Или что делаем? Играем! А сейчас нет таких случаев, заводоуправление нас уже не приглашает, никто не приглашает! Сейчас нельзя кушать казенные продукты и выпить казенной водки, поэтому мало таких случаев!» (Зап. от Анны Первоухиной, 1953 г.р., см. выше).

От рассказа о семейном празднике Анна переходит к персонажам, запечатленным на фото, и их дальнейшей судьбе.

马鲁夏的大姐姐，叫多尼亚，以前来过，现在也得80多岁。春天时候马鲁夏他们去了一次。多尼亚和她丈夫和孩子一起去的苏联，把她爸爸王宇亮就搁在向阳了，她爸爸

是汉人。去了就在一个小牛犊子的厂房里住，现在还在那住着呢，当时把他们拉过去，

卸下来：这就是你们家。院子里啥都没有，家里都是黑的，得抹墙啊，啥都没有，多尼卡她能干，丈夫叫雅诗卡，也很能干，他们俩就上队里干活，谁也干不过他们，最后成了模范。

也敢骑马，养牛养的也好，下地种地，几年这日子就过下来了。说啥都长，就在树林子旁边，就拿个缸子一会儿就采很多，高丽果啊，都柿啊，她拿着菜籽，第一年啥都没有，院子什么都得重新整理，她说：等着吧苏联人！我给你们。到了第二年我啥都有，他们干瞪眼。现在八十来岁，房子还是那个房子，男的死了得癌症了。

Maluxiadedagujie, jiao Duoniya, yiqianlaigu, xianzaiyede 80 duosui. Chuntian shihou Maluxia tamen qule yici. Duoniya he ta zhangfu he haizi yiqi qude sulian, ba ta baba wanguiliang ge zai xiangyangle, ta baba shi hanren. Qule jiuzai yige xiaoniuduzide changfangli zhu, xianz haizai naer zhuzhe ne, dangshi ba tamen laguoku, xiexialai shuo: zhe jiushi nimenjia. Yuanzili shadou meiyou, jiali doushi heide, de moqiang a, sha dou meiyou, Duoniya ta nenggan, zhangfu jiao Yashika, ye hen nenggan, tamenlia jiu shang duili ganhuo, shui ye ganbuguo tamen, zuihou cheng le mufan.

Yegan qima, yang niu yang de ye hao, xiadi zhongdi, jinian zhe rizi jiu guoxialaile. Shuo shadouzhang, jiuzai shulinzi pangbian, jiu nage gangzi yihuier jiu cai henduo, gaoligu a, dushu a, yuanzi shenme doude chongxin zhengli, tashuo: dengzhe ba sulianren! Wo gei nimen, daole dier-nian wo sha douyou, tamen gandengyan. Xianzai bashi laisui, fangzi haishi nage fangzi, nande sile de aizhengle.

Данный меморат расширяет границы родовой памяти далеко за пределы Трёхречья и жанровые границы собственно мемората. В нем родные полукровцы, Тоня и Яшка, уехавшие в Советский Союз, выступают в роли легендарных героев-мироустроителей. Приехав в советский колхоз, они показывают местным жителям трёхреченскую удаль и сноровку, трудолюбие и способность вести правильное крестьянское хозяйство.

Следом за просмотром фотографий родственников и близких и рассказом о них следуют снимки похорон членов

«Старшая сестра мужа Марины, ее старшую сестру жены зовут Тоня, раньше приезжала, она с моей мамой одногодки, 80 лет. Сейчас еще живая, в прошлом году или весной, или зимой к ней ездили, много раз ездили. Только Тоня с мужем и детьми и мамой все уехали. Ее отец остался в Синьцзяне, он ханец, старуха с ними уехала. Туда приехали — только один коровник, в котором телята. Маленький коровник, до тех пор там внутри жили люди. А дети все ушли: кто работает в полицейском управлении, кто-то учителем. В то время их выгрузили и говорят: “Это ваш дом!”, ох! Дома (в Трёхречье. — Авт.) все было белым (побелено. — Авт.), а здесь все черное, все надо было штукатурировать. Во дворе нет ничего, все надо строить. А Тонька, она хорошо работает, ее муж Яшка или что, тоже трудолюбивый, так говорят. Они начинали работать, работали в бригаде (производственной. — Авт.), никто не мог их обогнать, отличниками потому стали. Она научилась сидеть на лошади бойкой, и кормить коров, и убирать за коровами, муж в поле работает, через несколько лет жизнь стала хорошая. Все растет, растут ягоды, рядом лес, все растет — говорят, никто не собирает. Очень много, с кружкой минутку собирает земляники, черники — всё есть. Смотрите, можете трудиться или нет, пьете или нет: как в Китае, если ты пьешь, точно не сможешь. Дуня, она еще привезла (с собой. — Авт.) овощные семена, в первый год у них нет ничего, двор надо еще раз в порядок приводить. На второй год она говорила: “Ждите, советские люди, я вам покажу! На второй год я все сажала овощи, они хлопали глазами. Ха-ха-ха!” Она говорила: “У меня все есть!” Она трудолюбивая, Тоня. Сейчас ей больше 80 лет, дом хороший, а муж умер от рака» (Зап. от Анны Первоухиной, 1953 г.р., см. выше).

семьи, свадебные снимки детей и т.д. Нарративизация данных циклов фотографий, связанных с обрядами перехода, представляет тему отдельного исследования.

В целом фотографические коллекции русского населения Трёхречья представляют собой визуальные хранилища исторической памяти, «народные музеи», свидетельствующие об основных событиях жизни, традициях и обычаях 3–4 поколений русского анклава. Традиция собирания и хранения семейных фотографий трёхреченцами и фотографический канон,

Фото 1. Семья Ивана Деметтьева. Из личного архива И. Деметтьева

Photo 1. Ivan Dementiev's family. From I. Dementiev's personal archive

Фото 2. Иван Деметтьев и Анна Первоухина с мамой Ивана Татьяной Деметтьевой. Из личного архива И. Деметтьева

Photo 2. Ivan Dementiev and Anna Pervoukhina with Tatiana Dementieva, Ivan's mother. From I. Dementiev's personal archive

отраженный в фотоматериалах, связаны с аналогичной традицией русских переселенцев конца XIX — середины XX в. В композиции фотогалереи на стене, домашнего фотоальбома сохраняется поколенческий принцип расположения фотографий (в отличие от презентационно-парадного принципа китайской традиции домашних фотогалерей).

Нарративизация фотоколлекции русских Трёхречья дает возможность собирателю эксплицировать некоторые латентно сохраняющиеся в памяти информантов сведения. Нарративы возникают при рассмотрении только наиболее значимых для собеседников, отражающих важные события жизни большой семьи (сбор всей

семьи, семейные праздники, похоронные и свадебные обряды и т.д.). Сами мемуары при этом могут быть связаны с визуальным образом ассоциативно, однако содержать базовые представления трёхреченцев о своей семейно-родовой памяти и этнической самобытности.

Процесс рассматривания семейного фотоальбома и его нарративизации позволил зафиксировать рассказы о возникновении русско-китайской семьи, о межпоколенных отношениях внутри «большой семьи» (рода), об этнокультурных и этнорелигиозных предпочтениях в данной русско-китайской семье, об отношении к родственникам, уехавшим в СССР, в целом к русским и советским людям.

Источники и материалы

ЦИДВЭ АмГУ — Архивный фонд Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета.

Исследования

Бойцова 2010 — Бойцова О. Ю. Любительская фотография в городской культуре России конца XX в. (визуально-антропологический анализ): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

Забияко 2017 — Забияко А. П., Забияко А. А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017.

Кляус 2015 — Кляус В. Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015.

Круткин 2009 — Круткин В. Л. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2009. С. 109–125.

Линь Цзин 2015 — 林京. 走进紫禁城的摄影术. Линь Цзин. Цзоу Цзинь Цзы Цзинь Чэн Дэ Шэ Ин Шу [Фототехника в запретном императорском городе]. Пекин, 2015.

Лурье 2011 — Лурье В. Ф., Николаев О. Р. «Похоронили хорошо». О похоронных фотографиях в русской культуре // 60 параллель. 2011. № 4 (43). С. 70–77.

Разумова 2001 — Разумова И. А. Потаенное знание современной русской культуры. М., 2001.

Фэн Хуан 1982 — 冯荒. 關於珍贵妃肖. Фэн Хуан. Гуан Юй Чжэнь Гуй Фэй Сюэ Сян [Сохранившийся портрет второй жены императора Чжэнь] // 紫禁城月刊. Цзы Цзинь Чэн Юе Кань [Цзыцзиньчэн]. 1982. № 1.

Чистякова 2012 — Чистякова В. П. Семейная фотография второй половины XIX — начала XX века в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

© Чжан Жуян, А. А. Забияко, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чжан Жуян <http://orcid.org/0000-0002-1523-7321>

Аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета: Российская Федерация, 6750027, Игнатьевское ш., д. 21; тел.: +7 (4162) 23-47-09; e-mail: 358860148@qq.com

Забияко А. А. <http://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета: Российская Федерация, 6750027, Игнатьевское ш., д. 21; тел.: +7 (4162) 23-47-09; e-mail: sciencia@yandex.ru

NARRATIVIZATION OF FAMILY PHOTO COLLECTIONS: IN SEARCH OF HISTORICAL MEMORY AND ETHNIC IDENTITY OF THE RUSSIANS OF TREKHRECHYE

ZHAN RUYANG
ANNA A. ZABIYAKO

(Amur State University: 21, Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation)

Summary. Family photo collections of several generations of Trekhrechy Russians (Sanhe District) are of intrinsic interest in terms of familial historical experience and the traditions and customs they capture. Story-memories accompanying the viewing of photos in family albums deserve special attention from the point of view of folklore. This article explores the stories taken from the life of Russian-Chinese families that accompany the viewing of photographic collections; these may be seen as the text of a “family chronicle”. Which narratives arise situationally, how do stories accompanying the same photographs differ depending on the informant? Images captured in photographs and narratives concerning them help to clarify aspects of the ethno-cultural identity of the residents of Trekhrechy not observed in previously collected materials. The process of examining the family photo album of Ivan Dementiev and Anna Pervoukhinoy and its narrativization allows us to record new information about the emergence of the Russian-Chinese family; about ethnic and cultural preferences within this family; about intergenerational relations within the “big family” (clan); about the attitude towards relatives who went to the USSR; and, in general, their attitudes about Russian and Soviet people. In considering the photos, a biographical and interpretive approach is used, as well as methods of participant observation, live conversation, description, and narrative analysis.

Key words: Russian population of Trekhrechy, memorats, visual image, narrativization, verbal and visual discourse, ethnic identity.

Received: May 6, 2019.

Date of publication: December 25, 2019.

For citation: Zhan Ruyang, Zabayako A. A. The narrativization of family photo collections: In search of historical memory and ethnic identity of the Russians of Trekhrechy. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 74–87. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.4.006

References

Boytsova O. Yu. (2010) Lyubitel'skaya fotografiya v gorodskoy kul'ture Rossii kontsa XX v. (vizual'no-antropologicheskii analiz) [Amateur photography in the urban culture of Russia at the end of the 20th century (visual and anthropological analysis)]. PhD dis. St. Petersburg. In Russian.

Chistyakova V. P. (2012) Semeynaya fotografiya vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka v Rossii: opyt etnologicheskogo i istochnikovedcheskogo analiza [Family photography of the second half of the 19th — early 20th century in Russia: An attempt at ethnological and source study analysis]. Extended abstr. of PhD dis. Moscow. In Russian.

Klyaus V. L. (2015) “Russkoye Trëkhrechyë” Man'chzhurii: ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury [“Russian Trekhrechyë” in Manchuria: Essays on folklore and traditional culture]. Moscow. In Russian.

Krutkin V. L. (2009) Snimki domashnikh al'bomov i fotograficheskii diskurs [Snapshots from domestic albums and photographic discourse]. In: Vizual'naya antropologiya: nastroyka optiki [Visual anthropology: Optical tuning]. Ed. by E. R. Yarskaya-Smirnova, P. V. Romanov. Moscow. Pp. 109–125. In Russian.

Lurye V. F., Nikolayev O. R. (2011) “Pokhoronili khorosho”. O pokhoronnykh fotografiyakh v russkoy kul'ture [“Buried well”. About funeral photographs in Russian culture]. *60 parallel'* [The 60th parallel]. 2011. No. 4 (43). Pp. 70–77. In Russian.

Razumova I. A. (2001) Potayennoye znaniye sovremennoy russkoy kul'tury [Hidden knowledge of modern Russian culture]. Moscow. In Russian.

Zabayako A. P., Zabayako A. A. (2017) Russkiye Trekhrechy'a: osnovy etnicheskoy samobytnosti [Russian Trekhrechy: The basis for ethnic identity]. Novosibirsk. In Russian.

© Zhan Ruyang, A. A. Zabayako, 2019

ABOUT THE AUTHORS

Zhan Ruyang <http://orcid.org/0000-0002-1523-7321>

E-mail: 358860148@qq.com

Tel.: +7 (4162) 23-47-09

21, Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

PhD Candidate, Department of Literature and World Art Culture, Amur State University

Anna A. Zabiako <http://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

E-mail: sciencia@yandex.ru

Tel.: +7 (4162) 23-47-09

21 Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Literature and World Art Culture, Amur State University

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)